

Красная гостиница

Автор:

Оноре Бальзак

Красная гостиница

Оноре де Бальзак

Основная проблема новеллы – соотношение богатства, полученного преступным путем, и голоса совести. Банкир Тайфер – один из персонажей новеллы – появляется также в романах «Шагреновая кожа» и «Отец Горио».

Оноре де Бальзак

Красная гостиница

Маркизу де Кюстин.

Не помню уж теперь, в каком году парижский банкир, у которого были обширные торговые связи в Германии, чествовал одного из своих приятелей-незнакомцев, повсюду появляющихся у коммерсантов через деловую переписку. Приятель этот, глава довольно крупной нюрнбергской фирмы, оказался благодушным толстым немцем, человеком образованным и со вкусом, заядлым трубокуром, с великолепной, чисто нюрнбергской широкой физиономией, которую осеняли белокурые жиденькие кудряшки, падавшие на крутой, порядком облысевший лоб. Он представлял собою достойный образец сыновей целомудренной и благородной Германии, которая изобилует почтенными характерами и по-прежнему слывет миролюбивою, даже после семи нашествий. Немец смеялся простодушно, слушал внимательно, пил рьяно, и, видимо, шампанское нравилось ему не менее бледнопалевого иоганнисберга. Звали его Герман, как почти всех немцев, которых сочинители выводят в книгах.

Как человек, привыкший все делать основательно, он прочно уселся за столом банкира, ел с прославленным по всей Европе немецким аппетитом, добросовестно прощаясь с кухней великого Карема.[1 - Карем – кулинар времен Бальзака.] В честь гостя хозяева пригласили близких друзей – капиталистов, коммерсантов и нескольких приятных дам, милое щебетанье которых и непринужденность обращения были под стать германской сердечности. Право, если бы вы, как я в тот вечер, имели удовольствие понаблюдать за этим веселым обществом людей, спрятавших когти наживы ради наслаждения утехами жизни, трудно вам было бы возненавидеть учетный процент ростовщиков или проклинать банкротства. Злодеи не могут всегда злодействовать. Даже в шайке пиратов, должно быть, выпадают приятные часы, когда на их разбойничьем корабле вы, пожалуй, почувствуете себя как в кресле-качалке.

– Надеюсь, господин Герман расскажет нам на прощание какую-нибудь страшную-страшную историю в немецком духе.

Слова эти произнесла за десертом прелестная юная особа, белокурая и бледная, очевидно начитавшаяся сказок Гофмана и романов Вальтера Скотта. Была она единственной дочкой банкира и свое воспитание завершала в театре Жимназ, восторгаясь пьесами, которые там ставились. И тот час все гости пребывали в счастливом состоянии ленивой неги, в которое приводит нас вкусный обед, превзошедший силу нашего пищеварения. Каждый сидел, откинувшись на спинку стула, и, деликатно положив руку на край стола, поигрывал золоченым десертным ножичком. Обычно к концу обеда, в такие минуты затишья, одни вертят в пальцах зернышко груши, другие скатывают шарики из хлебного мякиша; влюбленные составляют из кожуры фруктов бесформенные инициалы; скряги пересчитывают косточки от плодов и выстраивают их на тарелке полукругом, как драматург располагает статистов в глубине сцены. Эти маленькие радости чревоугодия упустил в своей книге Брийа-Саварен,[2 - Брийа-Саварен (1755–1826) – автор книги «Физиология вкуса».] писатель, вообще говоря, чрезвычайно добросовестный. Слуги ушли. Стол с остатками десерта напоминал эскадру после боя, когда все в ней пришло в расстройство, все разграблено, изуродовано. Блюда беспорядочно передвигали по столу, несмотря на упорные старания хозяйки дома расставить их по местам. Некоторые гости рассматривали виды Швейцарии, симметрически развешанные по серым стенам столовой. Никто не скучал. Нам еще не случалось встретить человека в унылом расположении духа, когда он переваривает изысканный обед. Всякому тогда приятно бывает посидеть в некоем кротком покое, представляющем собой золотую середину между задумчивостью мыслителя и сытым спокойствием жвачного животного, – такое состояние следовало бы

назвать материальной, гастрономической меланхолией. И поэтому все гости дружно повернулись к благодушному немцу, радуясь, что могут послушать какую-нибудь балладу, хотя бы и вовсе не занимательную. И подобные минуты блаженной тишины голос рассказчика как-то зачаровывает наши отяжелевшие чувства и способствует ощущению, так сказать, отрицательного счастья. Искатель всего живописного залюбовался бы этими лицами, расцветшими улыбкой, озаренными свечами и побагровевшими от вкусной еды: среди канделябров, фарфоровых корзиночек, фруктов и хрусталя разнообразные их выражения были весьма заняты.

Вдруг мое воображение поразила внешность одного из гостей, сидевшего как раз напротив меня. Это был господин среднего роста, довольно тучный, с повадками биржевого маклера, несомненно весельчак и по виду – ума весьма ограниченного. Я как-то не обращал на него внимания до этой минуты, а тут мне показалось, что его лицо – вероятно, от обманчивого света – сразу изменилось, стало землистым, покрылось лиловатыми пятнами. Точь-в-точь лицо умирающего, почти трупа. Застыв недвижно, как нарисованные фигуры диорам, он тупо уставился глазами на сверкающие грани хрустальной пробки, но было ясно, что не их он видел перед собою, а, должно быть, забылся, созерцая какое-то видение из своего будущего или прошлого. Я долго рассматривал это странное лицо и думал: «Нездоровится ему? Выпил слишком много? Разорился на понижении акций фондовой биржи? Обдумывает, как надуть кредиторов?»

– Взгляните! – сказал я своей соседке, указывая на незнакомца. – Какая физиономия! Воплощение банкротства.

– О-о! Тогда бы он был веселее, – ответила она и, грациозно покачав головкой, добавила: – Если такой человек когда-нибудь разорится, об этом надо будет протрубить по всему свету! У него в одни только поместья вложен целый миллион. Это бывший поставщик императорских армий, довольно оригинальный старик. Он женился вторым браком по расчету, и, представьте, его жена живет с ним очень счастливо. У него хорошенькая дочка, которую он долго не желал признавать. Но после смерти сына, к несчастью убитого на дуэли, он смирился и взял ее к себе, так как уже больше не может иметь детей. И вот девушка-бесприданница стала одной из самых богатых в Париже невест. Но этого славного человека, потерявшего единственного сына, гложет тоска, и порою он не может ее скрыть.

В эту минуту поставщик поднял на меня глаза, и от его взгляда я вздрогнул – такое в нем было мрачное раздумье. Вероятно, вся его жизнь выразилась в этом взгляде. Но вдруг лицо его повеселело, он взял в руки хрустальную пробку и, машинально закрыв ею графин с водой, стоявший перед его тарелкой, с улыбкой повернулся к г-ну Герману. Несомненно, этот человек безмятежно предавался радостям чревоугодия, в голове у него не было ни единой мысли и никаких забот.

Мне даже стало как-то стыдно, что свои познания в разгадывании характеров я расточал на такое животное, как тупоголовый финансист. Пока я был занят бесплодными френологическими наблюдениями, благодушный немец зарядил нос понюшкой табаку и начал свой рассказ. Мне было бы трудно передать эту историю в тех же самых выражениях, со всеми паузами рассказчика и его многословными отступлениями. Поэтому я записал ее по-своему, изъяв все погрешности нюрнбержца и оставив лишь то, что можно было счесть поэтическим и увлекательным, с обычным простодушием писателей, забывающих поставить под заглавием своей книги: «Переведено с немецкого».

Мысль и действие

В один из последних дней вандемьера VII года республиканской эпохи, а по обычному календарю – двадцатого октября 1799 года, двое юношей, выехав утром из Бонна, на закате приближались к Андернаху, маленькому городку, расположенному на левом берегу Рейна, в нескольких милях от Кобленца. И ту пору французская армия под командой генерала Ожеро маневрировала на глазах австрийцев, занимавших правый берег реки. Главная квартира республиканской дивизии, входившей в корпус генерала Ожеро, расположилась в Кобленце, а одна из ее полубригад стояла в Андернахе. Оба молодых путника были французы. Взглянув на их синие мундиры с белой выпушкой и красными бархатными отворотами, на их сабли, а главное – на кивера, обтянутые зеленой клеенкой и украшенные трехцветным плюмажем, даже немецкие крестьяне распознали бы в них военных врачей – людей ученых и достойных, в большинстве случаев любимых не только в армии, но и в странах, захваченных нашими войсками. В те годы многие юноши из хороших семей были оторваны от медицинской стажировки по новому закону о наборе в армию, проведенному генералом Журденом, и, разумеется, предпочитали продолжать на полях сражений занятия медициной, чем нести строевую службу, мало

соответствовавшую их образованию и мирному назначению. Эти молодые почитатели науки, люди миролюбивые и услужливые, делали доброе дело в годы великих бедствий и сочувственно относились к ученой братии различных стран, по которым шествовала жестокая цивилизация Французской республики. Наши юные путешественники, оба снабженные подорожной и приказом о назначении на должность подлекаря, за подписями Коста и Бернадота, направлялись в полубригаду, к которой их причислили. И тот и другой были уроженцами Бове и происходили из буржуазных семей, небогатых, но зато отличавшихся благонравием и честностью, которые в провинции передаются из поколения в поколение, составляя как бы часть родительского наследства. Прибыв на театр военных действий ранее срока, назначенного для вступления в должность, они из любопытства, свойственного молодости, совершили поездку в дилижансе до Страсбурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Карем – кулинар времен Бальзака.

2

Брийа-Саварен (1755–1826) – автор книги «Физиология вкуса».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/onore-balzak/krasnaya-gostinica>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)